

¹⁷ Перечневая опись города Ярославля 1630 г. // Ярославские губернские ведомости. 1861. № 35. Ч. неофиц. С. 271.

¹⁸ Сказание вкратце о бывшем пожаре города Ярославля / Публ. М. А. Салминой // ТОДРЛ. Т. 21. М.; Л., 1965. С. 322–326.

¹⁹ См., например: *Добровольская Э. Д., Гнедовский Б. В.* Ярославль. Тугаев. С. 54–116.

²⁰ Там же. С. 185.

А. Н. Гуслистова

ТОРГОВЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ ВОЛОГДЫ ПО ПИСЦОВЫМ И ПЕРЕПИСНЫМ КНИГАМ XVII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Вологда в XVII в. являлась крупным торговым центром, что во многом предопределялось ее выгодным географическим положением на пересечении речных и сухопутных торговых путей. Значение Вологды как крупного центра межрегиональной оптовой и транзитной торговли можно выяснить благодаря таможенной книге 1634/35 г., опубликованной Е. Б. Французовой, и таможенной выписи 1663 г., изданной А. Л. Грязновым¹ Основными источниками по характеристике местного рынка как центра городской и уездной торговли являются писцовые и переписные книги XVII — начала XVIII в.: писцовая книга 1627 г. и переписные книги 1685/86 г. и 1711/12 г., опубликованные А. Е. Мерцаловым, М. С. Черкасовой, И. В. Пугачем².

Если проанализировать те части земельного кадастра, которые относятся к описанию торговых рядов Вологды, то, в первую очередь, можно говорить об увеличении количества и видов торговых рядов. Если в 1627 г. было 10 специализированных (москатильный, сапожный, мясной, соляной, щеляной и лапотный, шапочный, серебряный, ветошный, иконный и свечной, рыбный) и примерно столько же не поименованных торговых рядов, то к 1685 г. к ним прибавляется еще семь — пряничный, калачный, уздяной, крашенинный, горшечный, суконный и сырейная площадка, а к 1711 г. — еще четыре — хлебный, коробейный, овчинный и скорняшный. Нетрудно заметить, что наибольшей специализации подверглась организация продажи продовольственных товаров (готовой еды), а также сырья и материалов, предназначенных для изготовления одежды и обуви, что в свою очередь свидетельствует о росте потребительского рынка.

По данным переписной книги 1711/12 г. 204 помещения (50 % от всей торговой недвижимости посадских людей) было в руках родственников. В то же время некоторые видные купеческие фамилии (всего 17) были представлены только одной персоналией, но в сумме они владели 124 заведениями, что составляло 30 % от общего количества. Например, у семьи Рыбниковых было 50 помещений, Чадовых — 34, Оконнишниковых — 16, Кодовиных — 11. Таким образом, в 1711/12 г. в руках крупных семейных, «клановых» купеческих групп и одиночных представителей, составлявших 41 % от всех фамилий по-

садских собственников лавок, было 80 % торговых помещений. Такая, безусловно, высокая степень концентрации (в среднем более восьми торговых помещений на одну фамилию) свидетельствует о значительной консолидации местного торгового общества, произошедшей к началу XVIII в.

Во всех трех книгах можно вычленить стандартный формуляр записи о торговом помещении, где общими элементами являются наименование торговой единицы, социальный статус и имя владельца, размер лавки. В книгах 1627/28 и 1685/86 гг. формуляр совпадает почти полностью и отличия прослеживаются только по двум параметрам.

Т а б л и ц а 1. Формуляры записи о торговом помещении по писцовой и переписным книгам 1627, 1686/87 и 1711/12 гг.

1627 г.	1685/86 г.	1711/12 г.
Лавка с четырь посадского человека Гаврилки Самойлова, а наперед того была посадских людей Олешки Иванова с. Дьякова с сыном Якушком, по лицу полтретью сажени, владеет по купчей брата своего Богданка 135 г. оброку 10 алт. ³	Лавка посадского человека Нефедка Рынина мерою пеперек по лицу полторы сажени шесть вершков, а в длину три сажени бес три четверти аршина, владеет по купчей 191 году, оброку с тое лавки платит в земскую избу по осми алтын по 2 денги ⁴ .	Лавка посадского человека Дмитрия Фомина поперек по лицу две сажени с аршином, в длину с навесом три сажени с четырь ⁵ .

Первый — в 1627 г. обычно всегда записывали бывшего владельца помещения, а в 1685/86 г. это делали лишь в случае не использования торгового места: «место лавочное порозжее наперед сего было посацких людей Петрушки да Стенки Звонаревых... а по скаске старожилов, что тем местом ниhto не владеет лежит впусе⁶. По всей видимости, после опустошительного разорения Вологды 1612 г. и пожара в Москве 1626 г., когда сгорела вся приказная документация, в том числе предыдущая перепись В. Брянчанинова 1622/23 г., в писцовом описании было важно зафиксировать владельческие права всех собственников.

В 1686/87 г., после полувека стабильного развития торговых рядов, уточнение имени предыдущего владельца требовалось в фискальных целях, для учета нефункционирующего торгового места. В преамбуле переписной книги 1685/86 г. в наказе стольнику и воеводе Б. А. Змеову с товарищами это представлено словами «и всякие земли пустые писати ж и меряти»⁷. На протяжении XVII в. степень обеспеченности торговой собственности владельческой документацией была стабильной и основными документами в качестве правового обеспечения сделок были купчие⁸.

Второе несовпадение — это уточнение места уплаты оброка: в приказную или/и земскую избу. В 1627 г. при описании торговых точек писцы не уточняли, куда платился оброк, в отличие от 1686/87 г. Только с помещений, которые находились на гостинном дворе, оброк в XVII в. всегда платился в таможенную избу. Об этом свидетельствуют записи 1627 г.: «на гостине же дворе лавки ... Терешки Ноугородова ... Игнашки Белавинского ... а оброку платит он с тех лавок в таможенную избу...» и 1685/86 г.: «на гостинном дворе идучи в ворота по правой стороне шесть лавок да четыре амбара ... оброк с тех лавок и амбаров и шалашей платят вологжане посацкие и приезжие торговые люди в таможенную избу»⁹.

Схожие формуляры двух книг и сокращенный вариант формуляра третьей книги позволили составить сравнительную характеристику содержащихся в них данных и оформить результаты в таблицу. В итоге такого структурирования можно проследить изменения, которые происходили в городской розничной торговле на протяжении XVII — начала XVIII в. В данной статье нас интересуют вопросы эволюции видов и размеров торговых помещений, их мобилизация и как вывод — развитие городского рынка.

Одной из самых противоречивых и сложных проблем представляется задача идентификации торгового помещения как самостоятельной экономической единицы.

Во всех трех книгах можно выявить несколько видов торговых точек — лавка и ее разновидности (пол-лавки, полторы, две, три лавки «на одном брусу» «лавка на два лица», «лавка наугольная» и т. д.), амбар и его варианты (амбарец, амбар с погребом, амбар хлебный, амбар о два житья), малые виды торговли (шалаш, полók, ларь, прилавок, скамья, погреб), изба харчевая и другие виды торговли едой и напитками, выраженные через глагольные формы «за суслом сидит», «за суслом на санках с харчевым». Нередко встречаются сложные разновидности торговых помещений — «две лавки о двух дверях на одном брусу с навесом», «пять лавок на три лица», «одна лавка с навесом, против лавки две скамьи». Подсчитать общее количество торговых помещений при наличии такого разнообразия видов можно только при определении понятия *единообразной* (унифицированной) *торговой единицы*. Из торговых единиц складывается вся реальная совокупность торговых помещений. Пример простых и наиболее распространенных торговых единиц — лавка и амбар. Все остальные виды заслуживают более дифференцированного анализа¹⁰.

Одним из первых количество лавок в городах XVI в. подсчитал Н. Д. Че-чулин, труд которого впоследствии получил критические замечания в отечественной историографии¹¹. Он предпринял довольно серьезную первичную обработку писцовой книги Пскова 1585–1588 гг. и раскрыл методику своего подсчета: «для простоты счета половины и трети лавок, получавшиеся в итоге лавок того или другого сословия, сосчитаны за целые».

В очерке по писцовой книге Вологды 1627 г. А. Е. Мерцалов проанализировал виды торговых помещений, их размеры, оброк и количество лавок (общее и по каждому ряду отдельно)¹². Основным критерием определения масштаба торговли у историка было количество лавок, приходящееся в целом на

город, на отдельные ряды и на отдельные социальные группы. О своей методике Мерцалов не сообщает, но его результаты счета не сходятся с писцовыми всего на 9 единиц¹³.

В общей сложности Мерцалов выделял шесть типов торговых-промышленных заведений: лавка, амбар, лавочное место, ларь и прилавок, харчевная изба. Каждому типу помещения автором давалось подробное описание внешнего вида (ссылки на то, откуда такие сведения, нет). Далее он пишет о видах лавок: *нормальная* (термин Мерцалова. — А. Г.), которую писцы принимали за единицу измерения торговых помещений (2 сажени шириной по лицу торгового ряда), небольшая лавка — пол-лавки (1 сажень), полторы лавки и лавки с дополнительными или недостающими четвертями¹⁴.

М. Б. Булгаков также исследовал состояние вологодского торгова на 1627 г., уделяя внимание, прежде всего, владельческой принадлежности торговых помещений. Он отметил, что процесс мобилизации торгового имущества разворачивался уже с 20-х гг. XVII в. и у посадских людей он проходил активнее, чем у «прочих» торговцев¹⁵. По его подсчету количество помещений получилось больше — 515.

По подсчету самих писцов лавок было 318 «с четью». Эта итоговая запись означает то, что торговые точки считались писцами, а вслед за ними и исследователями, по четям (четвертям), или по «унифицированным размерам» помещений¹⁶. Размер помещения измерялся в саженьях, но обложение оброком шло не с одной сажени (и увеличивалось бы пропорционально в зависимости от количества саженьей), а с совокупности саженьей — торгового помещения определенного размера. Все сложенные вместе целые единицы и чети от единиц и составляли для писцов общее количество лавок. Таким образом, если полагаться на подсчет писцами итогового количества *лавок*, мы не получаем реальной цифры общего количества *торговых помещений*.

Критерии итогового счета XVII в. не учитывают самостоятельный статус помещения или постройки, где шел отдельный товарооборот, имелся отдельный продавец и платился отдельный оборок. Показателями такого самостоятельного статуса помещения во всех трех книгах являются как наименование помещения, так и отдельный владелец (или совладельцы) («полторы лавки посадского человека Богданка Самойлова»¹⁷, «лавка да онбар посадского человека Перфилка Горохова»¹⁸), и запись отдельным абзацем¹⁹.

В книге 1685/86 г. встречаются такие сложные типы помещений, как «лавка на оба лица о пяти затворах: в свечной об одном затворе, соляной — о четыре затвора», «лавка на три лица на одном брусу, перерублена на четверо и сделано 6 затворов, на уздойной, лапотный, соляной ряды», «лавка наугольная с прилавком розборным в москотильный и суконный ряд»²⁰. «Затворами» могли быть как двери, так и окна со ставнями, на которых развешивался товар, или и тем и другим вместе²¹.

«Перерублена на четверо» — это указание на сруб из бревен размером 4×3×4 сажени (порядка 50 кв. м.), который внутри был перегороден на четыре части. В сочетании с шестью затворами получается четыре помещения с дверями и окнами. Для писцов она была одной лавкой, но для нас важно, что лав-

ка была перерублена с целью отдельной продажи соли, упряжи и обуви, что подразумевало отдельный товарооборот. Поэтому при наличии подобных объяснений писца, мы считаем возможным выделять отдельные помещения. То же самое касается таких записей: «лавка ... а в ней зделано три полулавки»²². Во всех остальных, спорных, случаях остается полагаться на первоначальное наименование помещения. Например, «...лавка наугольная (около 127 кв. м. — *А. Г.*) ... в соляной 3 затвора, в уздойной 5 затворов, в старый соляной 5 затворов». Предположительно здесь могло быть как минимум три помещения, однако точных указаний на «переруб» нет, и поэтому все это считается за одну очень большую лавку.

В 1711/12 г. большинство лавок записаны по 3–5 вместе и часто «в одной связи». По всей видимости, это «перерубленные» лавки последней четверти XVII в., которые выглядят в глазах писцов начала XVIII в. уже как разные помещения, объединенные единовременностью постройки. Не совсем ясно, что из себя представляли «амбар о два житья», «амбар ... с навесом, перед тем амбаром ларь да скамья», «лавка с навесом ... против под навесом 2 лари да скамья», «две лавки ... с навесом ... перед лавками под навесом 4 скамьи» и т. д.²³ Можно только предположить, что «амбар о два житья» (площадь 72,6 кв. м.) был, скорее всего, помещением, разделенным на две части. Навес в лавке и амбаре делался для удобства торговли и был достаточно большим. Получалось что-то типа крытого павильона, где, кроме самой лавки, умещались большие ящики — лари и скамьи для хранения и выкладки товара. Таким образом, этот торговый комплекс представлял собой одно помещение.

Лари и прилавки в XVII в. были упрощенными видами торговли, но, по всей видимости, предполагали наличие отдельного продавца, что и определяло их самостоятельный статус. «Харчевные» избы также можно считать своеобразным местом торговли едой, видом предпринимательства. Принимая за единицу любое помещение, можно сосчитать действительное количество торговых точек.

В общий итог не включены лавочные места, в отличие от А. Е. Мерцалова и М. Б. Булгакова, которые считали их полноценными оброчными заведениями. Здесь уместна аналогия с «дворовым местом» писцовой книги 1627 г. Дворовое место либо было двором, либо будет им после соответствующего строительства, поэтому обычно облагалось льготным тяглом. Также и лавочные места не были действующими торговыми помещениями, а только потенциальными или на время запустевшими, поэтому облагались меньшим налогом, чем работающие торговые точки. Это мнение подтверждается сведениями переписной книги 1685/86 г., где все лавочные места названы «порозжими» или «пустыми», хотя за них платился оброк.

Причина содержания владельцами не действующих торговых мест заключалась в нескольких факторах. При отсутствии финансовых средств купцу было дешевле платить годовой оброк (достаточно небольшой), нежели нанимать продавца, закупать товар и т. д.²⁴

Т а б л и ц а 2. Виды и количество помещений
по писцовой и переписным книгам 1627, 1685/86 и 1711/12 гг.

Виды помещения	1627 г.		1685/86 г.		1711/12 г.	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Пол-лавки	130	27	154	27	—	—
Лавка	203	42	161	28	194	35
Полторы лавки	16	3	2	1	—	—
2 лавки	34	7	70	12	148	27
3 лавки	6	2	21	4	66	12
4 лавки	—	—	16	3	24	4
5 лавок	—	—	—	—	20	4
Амбар	69	14	90	16	68	12
Ларь/прилавок/ полок/розбор на прилавок	10	2	12	2	2	0,5
Шалаш	—	—	26	5	1	0,4
Харчевая изба/ за суслом	12	3	12	2	3	0,6
Погреб	—	—	—	—	2	0,5
Остальные	—	—	—	—	23	4
Итого:	480	100	564	100	551	100

Таким образом, видно, что с 1627 по 1685 г. общее количество помещений увеличилось примерно на четверть, а к началу XVIII в. даже уменьшилось. Такой, хотя и незначительный, спад вполне укладывается в уже сложившуюся в литературе концепцию об общем упадке транзитной торговли в Вологде, вследствие переориентации товарных потоков с Сухоно-Двинского направления на Санкт-Петербургское. Однако можно ли эти выводы переносить на торговлю в городских рядах, где основными покупателями были жители города и уезда?

Соотношение видов помещений, их расположение относительно друг друга и концентрация поменялись весьма существенно. На протяжении XVII в. шла эволюция видов торгового помещения и его размеров, появлялись сложные разновидности. Причины их появления были разными, иногда прямо противоположными. Вполне возможно, когда владелец не мог приобрести еще одну лавку или амбар в нужном ряду, он делал перегородки или прорубал окна, увеличивая число продавцов и товарооборот. При наличии больших помещений (скорее всего, это были постепенно скупленные стандартные лавки) в них делалась «перепланировка», что также увеличивало полезную площадь и прибыль.

Вид самого компактного помещения — пол-лавки (площадь 4,5 кв. м.), весьма распространенный в XVII в., к 1711 г. исчезает, как и полторы лавки²⁵. В 1627 г. торговля в городских рядах не успела полностью восстановиться после вологодского «разорения» 1612 г. и малые помещения были оптимальны

как по размеру, так и по уплате оброка, подходили для продажи сравнительно небольших объемов товара. Их частично заменили к 1711 г. маленькие лавки того же размера, располагавшиеся в «старых» рядах, возникших еще в первой четверти XVII в., около Спасских ворот, в «Крашенинном» ряду, около таможи.

К 1685 г. уменьшается и до 1711 г. остается неизменным процент одиноких лавок. Зато неуклонно вырастает доля лавок, стоящих рядом и принадлежащих одному владельцу. По две лавки в 1627 г. сгруппированы 34 помещения, а в 1711 г. — уже 148 (!), по три лавки — 6 помещений в 1627 г. и 66 в 1711 г. К 1685 г. появляются по четыре, а к 1711 г. и по пять стоящих вместе лавок одного собственника.

Количество амбаров на протяжении всего изучаемого периода оставалось практически неизменным. Видимо, амбары играли роль не столько торгового, сколько складочного помещения, хотя и необходимого, например, в Рыбном и «Ржаном» рядах.

Размеры помещений также увеличивались. В 1685/86 г. уже не редкостью были лавки площадью около 100 кв. м. Две лавки с харчевой избой общей площадью 204 кв. м. принадлежали Д. А. Солоденикову (аналог современного торгово-развлекательного комплекса), две квасные избы вместе с «порозжим» местом С. Чадова составляли около 450 кв. м.! Крупные торговые заведения в это время концентрировались за крепостью, вдоль реки Золотухи, где был определен «резерв» для роста²⁶. В 1711/12 г. помещения больших размеров стали преобладать во всех торговых рядах и владели ими в основном представители старых торговых фамилий Вологды — Белавинские, Дружинины, Колесовы, Кошчевы, Носковы, Оконнишниковы, Полянины, Рыбниковы, Солодениковы, Чадовы.

В целом, наблюдения за эволюцией видов торговых помещений и их размеров на протяжении XVII — первой четверти XVIII в. позволяют сделать вывод о расширении и специализации розничной городской торговли. Общий процесс концентрации торговых заведений в руках наиболее зажиточных торговых семей, наблюдавшийся во всех крупных торговых центрах России, развивался и в Вологде, а накопленный таким образом торговый капитал позволил некоторым семьям на рубеже XVII–XVIII вв. перейти к собственному, сначала мелкому производству — кожевенным, солодовенным и строгальным измам, и затем ко второй четверти XVIII в. к крупному — мануфактурам²⁷.

Примечания

¹ Таможенная книга города Вологды 1634–1635 гг. / Сост. Е. Б. Французова. М., 1983. Ч. 1–3; *Грязнов А. Л.* Документы Вологодской таможи 1663 г. // ОФР. Вып. 18. М.; СПб., 2015. С. 359–380.

² Источники истории города Вологды и Вологодской губернии. 1. Список с писцовой книги города Вологды, сделанный в 1629 году. Вологда, 1904; Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII века: В 2 т. / Подгот.: И. В. Пугач, М. С. Черкасова. М., 2008.

³ Источники истории города Вологды... С. 59.

⁴ Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII века. Т. 1. Писцовые и переписные книги Вологды XVII века. С. 194.

⁵ Там же. Т. 2. Переписная книга Вологды 1711–1712 годов. С. 304.

⁶ Там же. Т. 1. С. 200.

⁷ Там же. С. 171.

⁸ *Гуслистова А. Н.* Владельческая документация на торговые помещения в Вологде по писцовым книгам 1627–1628 г. и 1685–1686 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития: Материалы XXVII Междунар. науч. конф., Москва, 9–11 апр. 2015 г. М., 2015. С. 176–178.

⁹ Источники истории города Вологды... С. 23; Писцовые и переписные книги Вологды... Т. 1. С. 185.

¹⁰ М. Б. Булгаков при классификации писцовых книг 1620-х гг. по отношению к дворам и оброчным заведениям использует сходный термин — «хозяйственно-податная единица города», но подробнее рассматривает «посадский живущий черный двор» (*Булгаков М. Б.* К вопросу о типологии писцовых посадских книг 20-х годов XVII в. // Россия в Средние века и Новое время. М., 1999. С. 186–198).

¹¹ *Чечулин Н. Д.* Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889. А. Л. Хорошкевич писала, что автор «не заметил тех возможностей, которые предоставлял его материал для изучения удельного веса различных социальных слоев» (*Хорошкевич А. Л.* Основные итоги изучения городов XI — первой половины XVII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 36).

¹² *Мерцалов А. Е.* Очерк города Вологды по писцовой книге 1627 года: Ист. исследование. Вологда, 1885; перепеч.: Вологодский сборник, издаваемый Вологодским губернским статистическим комитетом. Т. 5. Вологда, 1887. С. 5–51.

¹³ Источники истории города Вологды... С. 78.

¹⁴ *Мерцалов А. Е.* Очерк города Вологды... С. 46–49.

¹⁵ *Булгаков М. Б.* Местный торг города Вологды в конце 20-х годов XVII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время: Чтения памяти акад. РАН Л. В. Милова: Материалы к конф. М., 2009. С. 57–60.

¹⁶ «Нормальная лавка» у А. Е. Мерцалова.

¹⁷ Источники истории города Вологды... С. 58.

¹⁸ Там же. С. 75.

¹⁹ Этот тезис косвенно подтверждается ситуацией с двумя пол-лавками, стоящими вместе и принадлежащими одному владельцу. Они записаны не как одна лавка (0,5+0,5), а как два помещения, каждое длиной в 1 сажень.

²⁰ Писцовые и переписные книги Вологды... Т. 1. С. 191, 197.

²¹ По уставной грамоте полавочной пошрины Торговой стороны Великого Новгорода 1577 г. одна из функций «затвора» представляется достаточно ясной: «... а учнут коробы с ыных лавок сносити на ночь в одну лавку в затворную... а хто сидит в затворной лавке, а того своего товару у дворников не ставит...» (Уставная грамота полавочной пошрины Торговой стороны Великого Новгорода 1577 г. // Великий Новгород во второй половине XVI в.: Сб. документов / Сост. К. В. Баранов. СПб., 2001. С. 35).

²² Писцовые и переписные книги Вологды... Т. 1. С. 191.

²³ Там же. Т. 2. С. 345.

²⁴ То есть предложение двух лавок в Москотильном ряду вполне отвечало спросу покупателей, и открытие третьей лавки не приводило автоматически к увеличению суммарной выручки на треть, и, следовательно, было не так рентабельно.

²⁵ При этом пол-лавок в одиночном варианте в 1685/86 г. насчитывается всего 42 помещения (7,37 %), две подряд пол-лавки — 64 (11,23 %), три пол-лавки — 27 (4,74 %), четыре пол-лавки — 12 (2,11 %) и один раз 9 подряд стоящих пол-лавок.

Таким образом, в последней четверти XVII в. одна пол-лавка как помещение постепенно изживает себя, становится слишком тесным. Оптимальным было иметь в ряду по несколько пол-лавок, расположенных рядом.

²⁶ Писцовые и переписные книги Вологды... Т. 1. С. 229.

²⁷ Гуслистова А. Н. 1) Занятие государственных и земских должностей посадскими людьми Вологды во второй половине XVII–XVIII в. (на примере семьи Рыбниковых) // Эпоха князя Владимира и развитие российской государственности: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., 26 июня 2015 г., г. Ярославль. Ярославль, 2016. С. 209–218; 2) Генеалогия вологодской купеческой семьи Митрополовых в XVII–XIX в. // Материалы II Всероссийской научной конференции «Некрасовские чтения» (памяти д.и.н., проф. Ю. К. Некрасова), 20–21 мая 2016 г. Вологда, 2016. С. 160–165; 3) Генеалогия вологодских купцов Колесовых в XVI–XIX вв. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXIX междунар. конф., Москва, 13–14 апр. 2017 г. С. 117–120.

М. М. Дадыкина

МОНАСТЫРЬ, МОНАХИ, МЕНЕДЖМЕНТ: СТРУКТУРА МОНАСТЫРСКОЙ ТОРГОВЛИ В КОНЦЕ XVI — XVII вв. *

Спасо-Прилуцкий монастырь, как и многие другие северные монастыри, решал задачу обеспечения обитатели всем необходимым и поддержания ее в относительно устойчивом состоянии, сочетая различные виды хозяйственной деятельности. Значительную часть доходов (50 % и более) монастырь получал от соляной торговли¹, включавшей перепродажу купленной дешевой соли в Холмогорах, а также реализацию продукции собственных соляных промыслов, расположенных в Уне, Соли Вычегодской и Тотьме. Тезис о том, что благодаря разнице в ценах примерно в полтора раза между вологодским и холмогорским торгом, а также отличиям в мерах объема, старцам удавалось получить существенную прибыль, является неким «общим местом» в исследованиях о монастырской соляной торговле.

Эта прибыль, как пишет Л. С. Прокофьева, была достаточной для того, чтобы с лихвой компенсировать затраты по найму рабочей силы (осначих, кормщиков, носников и т. д.), которые представляются как незначительные, не оказывающие серьезного влияния на получение чистой прибыли². В главе, посвященной торговле солью, которую вел Спасо-Прилуцкий монастырь, Прокофьева даже сетует на то, что старцы проявили недостаточную прозорливость и не превратили прибыль в «капитал», инвестируя его в развитие промыслов. Упадок соледобычи на промыслах монастыря исследовательница объясняет общим упадком соляной промышленности к концу XVII в. и повторяет тезис предшественников о конкуренции соли-«пермянки», не вдаваясь в дета-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 16-18-10255.